

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

«Все делают это»

Механизмы спасения от реальности в сегодняшней
России

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

18:01, 28 ноября 2025,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА

С этим же толстым милиционером мы побеседовали о Чехословакии: «Вы сейчас говорите, что там контрреволюция и надо вводить войска, потому что так написано в газетах. А через месяц скажут, что не надо было вводить войска, — и вы будете повторять это за газетами».

Наталья Горбаневская, «Полдень», 1969

На собачьей площадке в одном из центральных районов Москвы резвятся кобели разных пород, норовя вступить друг с другом в «нетрадиционные» отношения. Хозяева смеются: «Вы что делаете? Дума запрещает!» Столь очевидная ирония в наши времена предполагает высокую степень доверия, в сущности, к малознакомым людям, стоящим рядом, — они ведь должны думать так же, как и ты. И ведь действительно думают. А при предметном разговоре могут высказываться и более определенным образом.

Это пусть и случайный, и показательный, но социологический пузырь, который может быть объяснен и специфической топографией мизансцены, и уровнем образования хозяев веселых кобелей. Таких пузырей, которые ставят под сомнение попытки обобщений в анализе общественных настроений, множество.

В другой топографии, в иных обстоятельствах и среде можно попасть в такой же монохромный пузырь спонтанного Z-сообщества. А что думают соседи по автобусу или вагону метро, где перемешаны естественным образом «продукты разных сфер», лучше и не тестировать — можно нарваться на самые неожиданные позиции, а то и получить донос: понятие «активный гражданин» давно приобрело специфический смысл. Или вернулось к своему первоначальному значению? Все-таки именно демократическое гражданское общество в истории СССР/РФ существовало очень недолго, в отличие от агрессивно-послушной «общественности».

Бытовая социология не дает серьезных поводов для серьезных генерализаций типа «все против продолжения боевых действий» или «все консолидировались вокруг лидера». Но и количественная, и качественная социология, и повседневные наблюдения позволяют заметить массовое явление:

защищаясь от непонятной и иной раз страшной внешней среды, человек инстинктивно занимает оборонительную позицию, превращается в норное животное, которое адаптируется к внешним обстоятельствам, забираясь в свою капсулу, а во внешней среде предпочитает себя вести таким образом, чтобы слиться с толпой.

Из этого следуют социально одобряемое поведение, социально одобряемые слова. Иногда — принятые на веру, иногда — произносимые механически, потому что так надо.

Социология меряет не страх, а уровень и способы адаптации к внешней среде. Для многих она абсолютно не страшна, а совершенно естественна. Когда респонденты говорят о том, что у нас есть демократия и выборы, что СМИ свободны, люди далеко не всегда кривят душой. Они действительно так думают, а уровень и качество оставшейся им свободы в частной жизни — достаточны. При безусловном понимании правил игры. Кроме того, жесткость режима воспринимается как условие сохранения «порядка» и плата за «стабильность», хотя никакой стабильности на самом деле нет. Как и «безопасности», ради которой все и затевалось.

Обыватель живет в логике *Gleichschaltung*: с одной стороны, выравнивания правил поведения, установленных сверху, с другой — включения в эти правила игры, проявления определенной активности. Нужно надеть значок или любой знак, обозначающий принадлежность к большинству или доминирующей, определяемой государством позиции: для кого-то это защитный оберег (отстаньте от меня, я правильный и хороший), для иных — знак «активной жизненной позиции» (кто ее не разделяет, тому дам в торец или напишу на того донос), а для большинства — просто следование правилу, имеющему своего рода вирусный характер — «все делают это».

Фото: Александр Казаков / Коммерсантъ

«Сидел бы тихо, жил бы спокойно»

Октябрь 1968-го, последнее слово Павла Литвинова, одного из вышедших на Красную площадь в августе того же года в знак протеста против вторжения в Чехословакию: «Я знал свой приговор, когда подписывал протокол в 50-м отделении милиции (известный всем диссидентам «полтинник», *отделение на Пушкинской улице, ныне Большой Дмитровке. — А. К.*). <...> «Дурак, — сказал мне тогда милиционер, — сидел бы тихо, жил бы спокойно». Может, он и прав. Он уже не сомневался в том, что я человек, потерявший свободу».

«Сидел бы тихо, жил бы спокойно» — эта фраза безымянного милиционера из 50-го отделения милиции должна быть начертана на флагах

всех авторитарных и тоталитарных режимов.

Как в итальянском анекдоте о Муссолини — дуче воспитывает своего сына одной, но точной фразой: «Ешь и молчи!»

Обывателю, понимающему, что ничего изменить нельзя, да и незачем, остается только подчиняться. Как тому анониму, которого призывали (во всех смыслах слова) на том же процессе 1968-го по делу «семерых смелых» изображать простых граждан. Его как члена партии вызвали в райком, присоединили к одной из трех групп, которые должны были находиться в зале во время процесса. Ждали своей очереди, курили, играли в домино. Потом зашли в зал заседаний. «Мне стало неудобно, что мы, совсем чужие люди, станем свидетелями их (родственников подсудимых. — А. К.) горя. <...> Было много речей, и они вызывали разные чувства, а главное — непонимание того, что здесь происходит. <...> Мне показалось, что все подсудимые — хорошие люди». После заседания подставные лица выходили из зала суда и шли через «громадную толпу людей», тех, кто представлял именно гражданское общество и пришел поддержать подсудимых. «Не знаю, как другим, но мне стало очень стыдно».

Но что мог сделать этот человек? Он «выполнял приказ». Неповинование, возможно, было чревато разнообразными карами. А может быть, и нет. Но он не рисковал, потому что привык подчиняться. Несмотря на способность воспринимать события эмоционально и даже думать.

Наверное, он слышал речь Ларисы Богораз: «Прокурор закончил свою речь предложением, что предложенный им приговор будет одобрен общественным мнением. <...> Я не сомневаюсь в том, что общественное мнение одобрит этот приговор, как одобрило бы любой другой приговор. <...> Во-первых, потому, что мы будем представлены ему как тунеядцы, отщепенцы и

проводники враждебной идеологии. А во-вторых, если найдутся люди, мнение которых будет отличаться от «общественного» и которые найдут смелость его высказать, вскоре они окажутся здесь (указывает на скамью подсудимых)».

Четкий и краткий социологический, психологический, политический анализ поведения человека в несвободных обстоятельствах соответствующего политического режима и идеологического окружения. Любые несогласные стигматизируются как враги. Даже речевой строй этих обвинений один и тот же: когда в главном здании МГУ в том же августе 1968-го выпускник физфака Владимир Карасев собирал подписи, осуждающие вторжение в ЧССР, его скручивали со словами: «Фашист, бандеровец!»

Юлий Даниэль (слева) и Андрей Синявский на судебном заседании 10 февраля 1966 года. Фото: архив

После процесса Синявского и Даниеля в 1966 году в стране появилось гражданское общество, способное думать, обмениваться информацией и распространять ее, открыто высказывать позицию, протестовать, фиксировать факты нарушения прав.

Появился и страх власти перед этим обществом: ноябрь 1967-го, похороны автора «Оттепели» Ильи Эренбурга. Огромная очередь в Дом литераторов — она начинается на Поварской, заворачивает на Садовое кольцо, оттуда поворачивает на улицу Герцена. Сцены похорон: «Чего-то боятся, — записывает в дневнике Лидия Чуковская. — Не пускали людей на кладбище, стояла цепь милиции: «Санитарный день, нельзя». Из ее же дневника, в декабре 1967-го: «...как у нас, оказывается, боятся Самиздата! Значит, появилось общественное мнение». В следующем году такой же эффект произвело открытие мемориальной доски Всеволоду Мейерхольду. Затем концерт Галича в 1968-м в Академгородке. Потом были самые разные процессы и кампании подписантов в защиту выходивших на площади.

Власть действовала все жестче и жестче, включила репрессии. И казалось бы, победила. Запись Лидии Чуковской в дневнике 27 июня 1972 года: «В России нет общества и, соответственно, нет общественного мнения. (Начало возникать на наших глазах в 60-х гг., но его задушили.) В России нет общественной жизни и деятельности: государство слопало все».

Тем не менее общество, прошедшее через попытку свободы во второй половине 1960-х (остаточное явление оттепели) и пережившее ее подавление на рубеже 1970-х с параллельным погружением в скорбное бесчувствие застоя, стало несколько иным. Но погрузилось в апатию и безмолвно приняло в том числе афганскую войну. Чем-то это напоминает период медведевской оттепели, затем протестную волну, ее подавление и апатичное состояние, в которое общество входило после 2014 года, застыв соляным столбом в 2020-м, после обнуления сроков президента. Параллели условны, но социopsихологические механизмы массового поведения примерно те же. Триаду Альберта Хиршмана: «выход — голос — лояльность» никто не отменял.

Кто-то все еще подает голос, кто-то уходит во внешнюю и внутреннюю эмиграцию, кто-то активно лоялен.

Ответ на действия властей — не протест, а адаптация, максимум — аккуратное выражение неудовольствия, чтобы себе не навредить.

Ружье на стене

Человек авторитарный «висел», как ружье на стене, и при определенных обстоятельствах должен был «выстрелить» в разных смыслах слова (обстоятельства могли сложиться так, что он бы и не «выстрелил», но для этого он должен был поучаствовать в предотвращении худшего сценария, чего сделано не было — все и так казалось вполне сносным). Три волны исследований тогдашнего ВЦИОМа (с 2003 года — «Левада-центра»*) с условным (именно условным) названием «Человек советский» прошли в 1989, 1994 и 1999 годах. Социологи выявили четыре базовые характеристики, обусловленные временем, историей, внешними обстоятельствами, к числу которых, разумеется, относится политический режим. Внешние обстоятельства поменялись, но не до конца и лишь на исторически короткое время, а природа человека авторитарного не изменилась. И эта природа очень быстро дала о себе знать при постепенном, как медленное проникновение яда, возвращении фундаменталистского представления о мире. Оно дремало, но все равно осталось доминирующим, а тут, в обстоятельствах 2020-х годов, его специальным образом разбудили власти и их громко орущий телевизор.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

- **«Человек изолированный»:** изолированный от внешнего мира и от собственной истории; замкнутый в бинарных позициях — «мы — они», «свои — чужие»; заложник предрассудков и навязанных окаменевших стереотипов; все это — хорошо взрыхленная и густо унавоженная почва для русского мессианизма и национал-империализма.
- **«Человек без выбора»:** иллюзияечно данной социальной системы; повлиять ни на что нельзя; отсутствие представлений об альтернативах; это не только выученная беспомощность, но и социальное самооскопление — выученное, иногда даже агрессивное и озлобленное безразличие, нежелание знать нечто, выходящее за пределы устоявшихся навязанных представлений о мире и себе.
- **«Человек упрощенный»:** принятие мира и, главное, объяснений и описаний его властью; патернализм и иждивенчество; понижающая адаптация; модель поведения, которая, судя по данным опроса 1994 года, уже к этому

времени вернулась, — она выражалась, в частности, в преобладании позиции «лучше небольшая, но стабильная оплата труда на чужом предприятии, чем риск и большие заработки в своем бизнесе»; неприятие альтернативных моделей поведения, в том числе политического и гражданского.

- **«Человек мобилизованный»:** нормальность постоянно настороженного поведения ввиду того, что кругом враги — внешние и внутренние; соблюдая навязанные правила, поддерживая в себе то тлеющий, то взывающийся вверх огонек подозрительности и нетерпимости к «иному», ощущая себя правильным гражданином, можно обеспечить себе более или менее нормальное существование («сидел бы тихо, жил бы спокойно»).

Заметим, что человек авторитарный — одновременно и мобилизованный, и демобилизованный, управляемый двумя клавишами. Нажимая на эти две клавиши, политические технологии манипулировали поведением людей в последнее время.

Сочетание полумобилизованного эмоционального состояния (не расслабляться, враг у ворот и будет там еще очень долго) и эмоциональной же демобилизации (но в целом-то все нормально, можете отдохнуть, жить частной жизнью, государство защитит вас от неприятностей) позволяло сформировать массовую защитную реакцию по отношению к нестандартной ситуации спецоперации. Так можно было и выживать, и ощущать себя хорошим законопослушным гражданином.

Самоцензура чувств

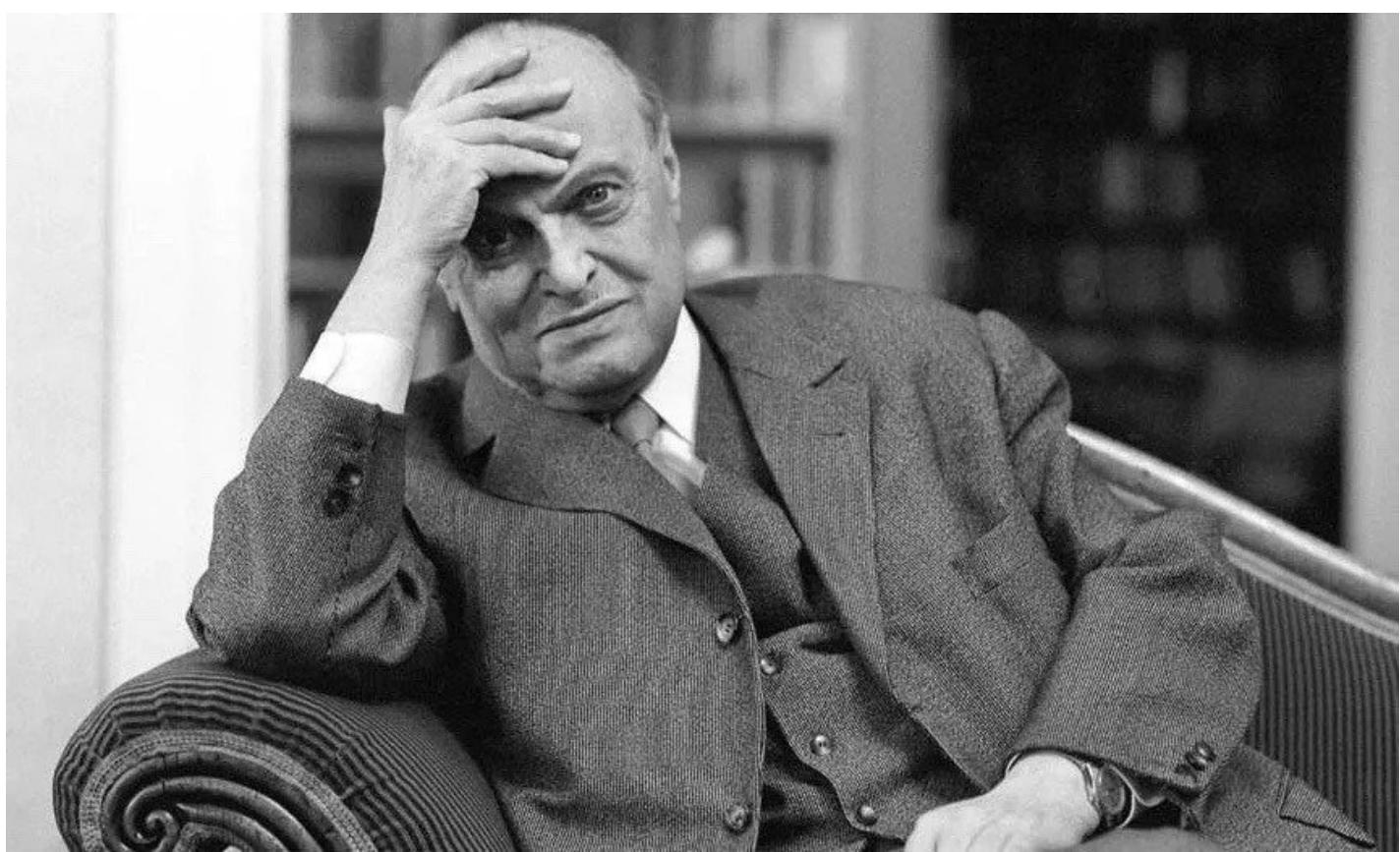
Самое банальное и точное утверждение: человек ко всему привыкает. Но привыкание вытравливает человеческое или искаляет его. Радиация среды, пронизанной ненавистью и повторением одних и тех же объяснений происходящего вкупе с поиском модели самооправдания, ведет к медленной, но верной политической и моральной интоксикации. Это хорошо видно на примере отношения больших масс респондентов — хоть прокремлевских, хоть независимых полстеров — к «иноагентам»: с годами к ним начинают относиться все хуже, приравнивая к носителям чуждого влияния, если не шпионам. Так легче примириться с действительностью.

Другой пример самоцензуры чувств и социально-психологического аутотренинга — сохраняющийся потребительский оптимизм в условиях ухудшающегося экономического положения. А, например, недавний манипулятивный вопрос ВЦИОМа о готовности проявить ответственность ради защиты родины методом затягивания поясов позволяет наблюдать реализацию на практике социально одобряемого поведения: как же не ограничить себя в ситуации, когда родина в опасности, поэтому ответ 69% респондентов — положительный.

Такие вопросы и такие ответы отражают безразличную покорность ко всему в духе известного советского анекдота: «А веревку для повешения с собой приносить или профсоюз выделит?» Разве не такое отношение ко всем ограничениям — от блокировок ютуба и вотсапа** с телеграмом до повышения НДС и утильсбора? Притом что власти уже не стесняются открыто говорить, для чего им это надо, — для продолжения СВО. Только выученная индифферентность как защитное средство позволяют существенным массам населения не сорваться в глухую депрессию и протест. Как и понимание того, что протест бессмыслен и ничем не закончится. Остается жить,

примираясь с действительностью, ибо все действительное разумно, даже если оно неразумно.

Для многих еще возможна одна из стратегий, описанных Себастьяном Хафнером в его книге о 1933-м и последующих годах («История одного немца»): «...следует уклоняться не только от соучастия, но и от любых опустошений, производимых болью, от любых искажений, возникающих из-за ненависти». Это прагматика, позволяющая хотя бы до какой-то степени оставаться в ладах со своей совестью.

Себастьян Хафнер. Источник: Википедия

Другая стратегия — технология «пробежки впереди паровоза»: быть большим «патриотом», чем сам режим, самоцензура, самосталинизация, превентивное подчинение. Бегство от свободы означает и перебежать на сторону победителя — Кремль доказал, что его режим тут навечно. Перейти от пассивного конформного поведения к активному конформизму. Вести себя не как в обстоятельствах авторитарного режима, когда достаточно «есть и молчать», а тоталитарного —

соучаствовать даже там, где еще и не просили. Сдавать позиции там, где их еще можно было бы сохранить. Нежелание что-либо менять и о чем-либо знать оправдывается априорным признанием правоты власти.

Иногда (не всегда) уже недостаточно молчать, надо помогать правительству, приравненному к родине. Недостаточно любить родину, нужно ненавидеть другие народы («для меня — святая Русь, для других — занозонька»). И в то же время требовать от ненавидимых, ко многим из которых испытывается комплекс неполноценности, обязательного признания своего превосходства — не мирными средствами, так военными, не достижениями в потребительской экономике, которую положено презирать за дефицит «духовности», так «Орешником» и «Посейдоном».

В некотором смысле это заложничество, иногда сочетаемое со стокгольмским синдромом, — комендант обороняющейся от Запада крепости не может быть неправ. Это иной раз не просто уход от реальности, а формирование для себя собственной сколько-нибудь комфортной реальности. У нас демократия, у нас выборы и все хорошо с экономикой, у нас руководство делает все правильно, не мы «это» начали, нас вынудили, на нас напали.

«Жестокость — это проявленье доброты»

Адаптивность сочетается с пафосом — нас возвышающим обманом. Мы теперь не просто люди, у нас есть культурные коды и традиционные ценности, и сами мы — воображаемое сообщество, объединенное этими кодами и ценностями, народ, несущий свет иным нациям, главный полюс в многополярном мире. И наш код не взломать! Все, что делается обосновывается особым моральным кодексом, в котором, как в стихотворении 1960 года Владимира Корнилова о поколениях советской власти, «жестокость — это проявленье доброты».

Адаптивность, сочетающаяся с усталостью от необходимости без конца приспосабливаться, провоцирует иллюзии по поводу окончания «всего этого» и возможности возвращения к нормальной жизни, не требующей столь масштабных сделок с совестью. Массовидным явлением были надежды на то, что «вот приедет барин, барин нас рассудит». Трамп не решил проблему, зато увеличилось число желающих мира. И стоило только президенту США обнаружить мало-мальское стремление снова приложить усилия по установлению мира, как иллюзии мгновенно возвращались, что лишь подчеркивало желание вернуться к «старой норме», существовавшей до пафосной героики сегодняшней «новой нормальности». Хотя партия и правительство учат нас, что именно пришедшая с Запада «старая норма» не позволяла нации вернуться к осмыслению фундаментальных вопросов бытия, традиционных ценностей и суверенитета.

Нация в массе своей готова терпеть, понимая, что состояние СВО может продолжаться долго, а повлиять на процесс невозможно.

Пока пределы адаптации — красные линии — не просматриваются. Кто-то понимает это как оправдание для еще более плотного закрытия собственной раковины, кто-то — как сигнал к тому, что Ханс Моммзен называл кумулятивной радикализацией: раз власти становятся все более жесткими, причем легитимизируют эту жесткость, обычатель отвечает еще большим соучастием в их действиях, пусть даже просто словесным.

Резистанс по Галичу

Более полувека назад интеллигенция, наблюдая за

происходящим, тоже шептала: «Сейчас начнется!» Проницательный Владимир Кормер называл это явление революционным соблазном. Но ничего не начиналось. Не начинается и сейчас. И потому приходится выбирать сопротивленческие тактики и стратегии без вмешательства загадочных сил, способных волшебным образом трансформировать режим.

Тут есть вопросы: а) что считать гражданским обществом, б) что признавать сопротивлением. Resistance'a — во французском стиле 1940-х — нет, как нет и антивоенного движения — надо учитывать высокий уровень репрессий, которые имеют и дидактическое, воспитательное значение. В смысле, «чтобы другим неповадно было».

Певица Наоко. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

И эти вопросы связаны, в свою очередь, с пониманием коллективной вины и ответственности. Является ли

«молчаливый резистанс» сопротивлением? Александр Галич, например, считал, что да, и прослушивание его песен, не говоря уже о посещении его выступлений разной степени закрытости, относил именно к этому типу противостояния режиму. Почему выходили на улицы тысячи людей? Потому что это было разрешено — что в 1989-м, что 2012-м. Возможно, «молчаливый резистанс», по Галичу, в каком-то смысле был важнее разрешенного говорливого митингования. И сообщество его слушателей имело неменьшее право называться гражданским обществом, чем перестроечные клубы, как раз и выросшие из сопротивления времен застоя.

Является ли фиксация происходящего изнутри сопротивлением? Опыт Виктора Клемперера, оставившего свои дневники «изнутри чудовища», и анализ особого языка этого самого чудовища, свидетельствует: безусловно, да. Сопротивляются ли люди, помогающие друг другу морально выжить, вернувшись в привычный с 1960–1970-х режим «кухонной демократии» (или «шалманной», как определял явление Борис Фирсов, только вместо шалманов теперь все-таки в городской культуре — кафе)? Ответ: да. И на кухнях спорят представители именно гражданского общества, пусть и снова катакомбного, не оформленного организационно в НКО.

Люди, выходившие отдавать свои подписи за Бориса Надеждина. Люди, приходящие, несмотря на фиксацию их действий «органами», на Борисовское кладбище и к Соловецкому камню, танцующие и поющие вместе с уличными певцами, с той же Наоко, — это все образцы сопротивления.

(Здесь не стоит впадать в иллюзию благотворной смены поколений: в каждой генерации хватает своих лоялистов и своих сопротивленцев.)

В России, наконец, идя на риск, работают активисты, адвокаты, правозащитники, журналисты, врачи, ученые, издатели, историки. И многие другие. Есть кому восстановить таблички «Последнего адреса». Есть кому написать письмо политзэку. Кому защищать преследуемых, тех, кто открыто подал голос и «вышел на площадь». Кому написать репортаж изнутри России. Кому продолжать учить школьников и студентов разумному, добруму, вечному. Кому издавать важные книги. Кому, в конце концов, утешать словом и показывать людям, что они не одни, что их личное внутреннее сопротивление, их стыд и ужас имеют значение. Что горюют о жертвах и смеются над абсурдом они не в одиночку. Даже использование VPN — в какой-то степени измеритель недовольства.

Упрекать людей в том, что они не хотят садиться в тюрьму, не достигнув результата в обстоятельствах полутоталитарного репрессивного режима, как-то все-таки странно. Прошел бы сегодня Виктор Клемперер «цензуру» «белых пальто» и «сетевых трибуналов»? А Карл Ясперс? Инакомыслие — это еще и разномыслие. И одинаково никто и никогда думать не будет. Грустная и стандартная констатация:

нарциссизм малых различий, как всегда, оказывается для многих важнее сопротивления самой мощной внешней силе.

А спорам о вине и ответственности много десятилетий. Кстати, издатели, работающие в России, все еще поставляют людям книги, позволяющие об этом квалифицированно задуматься. Но

лучше всех сказал Юрий Шевчук: «Я не верю в коллективную ответственность, но есть личная ответственность, и я ее с себя не снимаю, потому что чувствую себя виноватым».

Под этим в России могли бы подписать очень многие.

Этот материал вышел в четырнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Минюстом внесен в реестр «иноагентов».

** Принадлежит компании МЕТА, чья деятельность признана экстремистской и запрещена в РФ.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Не дом и не улица](#)

Почему нынешний режим – не Советский Союз

10:09, 11 ноября 2025, Андрей Колесников*

[Когда он единый – мы непобедимы](#)

Унификация сознания масс требует создания целой «сетки» единых учебников. И даже политэкономии

10:06, 28 ноября 2025, Андрей Колесников*